

ОТ РЕДАКЦИИ

Шихабатдин Марджани МЕЖДУ ИСЛАМОМ МИРОВЫМ И ТАТАРСКИМ

Сегодня имя татарского богослова, историка, ученого и религиозного деятеля Шихабатдина Марджани хорошо известно не только в России, но и во многих странах мира: его наследие привлекает все большее внимание исследователей. В советский период труды большинства мусульманских религиозных авторов, по понятным идеологическим соображениям, были недоступны широкому читателю. Лишь немногие из них, в числе которых оказались исторические труды Марджани, входили в российский научный оборот. В конце XX века с началом религиозного возрождения на постсоветском пространстве, в том числе и в России, получили развитие и по сей день не угасают дискуссии о «хорошем» и «традиционном» исламе. В частности важную роль в этих дискуссиях стал играть тезис о возрождении отечественной богословской школы ислама как средства противостояния якобы импортированному из-за рубежа религиозному экстремизму. В свете возрождения отечественного богословского наследия интерес к сочинениям татарских богословов XVIII — начала XX веков особенно возрос. Возвращение забытых имен сопровождалось многочисленными тематическими конференциями, выставками, изданиями сочинений и переводов. Марджани стал одним из главных символов и героев возвращающегося «традиционного» татарского ислама. Важным научным событием по возвращению наследия ученого стала конференция «Научное наследие и общественная деятельность Шихабатдина Марджани» (20–21 сентября 2018 г., г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани). Конференция была посвящена 200-летию со дня рождения ученого и собрала более 100 участников со всего мира. Большинство статей этого номера составляют работы, представленные участниками этой конференции.

Марджани являет собой пример мусульманского ученого, который, получив традиционное для того времени мусульманское образование, оказался восприимчив к новым тенденциям и умонастроениям, был готов выходить за рамки существующих стереотипов. Вероятно, благодаря присущим ему качествам характера — с одной стороны, принципиальности и непоколебимости, а с другой — умению чувствовать происходящие в обществе изменения и находить адекватные ответы на вызовы времени, его идеи оказались востребованными не только в России, но и в других странах. В этой связи интерес представляют не только мировоззрение и идеи Марджани, но и сама незаурядная личность этого мыслителя, факторы, повлиявшие на его становление, его интеллектуальные контакты. К этим и другим темам обращается в своей статье *Ахмет Канлыdere*.

Влияние наследия Марджани прослеживается на разных дискурсивных уровнях — исторической науки, правовой и богословской традиций, национального самосознания и системы мусульманского образования.

В татарской национальной историографии с начала XX в. Марджани рассматривался как зачинатель татарской исторической науки в европейском понимании этого слова. На особый подход Марджани к исторической науке неоднократно обращали внимание исследователи, называя Марджани татарским Геродотом или отцом татарской истории. Исследуя взгляды Марджани на историю как науку, *Игорь Алексеев* рассматривает влияние на методологию ученого исторических взглядов средневекового мусульманского

мыслителя Ибн Халдуна. По мнению Алексева, оба мыслителя каждый в своих условиях разрабатывают не только новый подход к изучению истории, но и новый тип исламской рациональности, которая может рассматриваться как результат переноса логических методов правового исследования (*иджтихад*) в сферу изучения исторических преданий.

В статье *Джунаида Куадри* анализируется влияние идей Марджани об *иджтихаде* и *таклиде* на ханафитскую традицию Ближнего Востока и Южной Азии. Автор показывает, как в начале XX века идеи Марджани, преодолев границы Российской империи, распространились вначале в арабском мире, а впоследствии среди представителей ханафитской правовой школы в целом. Тем самым Куадри показывает Марджани не просто как передового татаро-мусульманского мыслителя Поволжья и Урала, а как влиятельного ханафитского мыслителя мирового масштаба, повлиявшего на традиционный дискурс этой правовой школы, благодаря чему его идеи стали неотъемлемой частью международной исламской мысли в целом.

Диляра Усманова на примере материалов тюрко-татарской эмигрантской печати середины — второй половины 1930-х гг., посвященных 120-летию со дня рождения Марджани, рассматривает то, как личность и наследие татарского ученого освещались в рамках национального дискурса. Автор анализирует, как в публикациях представители политической эмиграции оценивали роль и место богослова в развитии тюрко-татарского исторического наследия и оценивали его вклад в формирование, прежде всего, национального самосознания.

Продолжая тему исторической методологии и подходов к истории, *Ольга Бесмертная* анализирует соотношение и взаимодействие исламского и прогрессистского (европейского современного) дискурсов (т.н. культурный билингвизм) в понимании исторического процесса Атауллой Баязитовым. Как считает автор статьи, Баязитов оспаривает стереотипы об исламе, сложившиеся в публичной, научной и миссионерской сферах и скрестившиеся в пространстве т.н. «массового ориентализма», — в частности тезисы, развитые Эрнестом Ренаном, о несовместимости ислама и науки, ислама и прогресса. Таким образом, Баязитов, как и Марджани, предлагает свое видение и понимание истории. Развивая прогрессистские тезисы и, в частности, присваивая колониальный дискурс отсталости мусульманского мира, Баязитов одновременно воспроизводит характерное для иного, исламского дискурса структурирование истории: обобщенную исламскую реформистскую схему, объясняющую упадок ислама искажениями, внесенными в изначальный ислам его позднейшими последователями; избавление от таких искажений должно было, по мысли автора, вернуть ислам на путь к прогрессу. Обращение к истокам ислама в его видении истории (аналогичное подходам Ш. Марджани), т.е. представление истории всего «исламского мира» как целого, отвечало и сформировавшемуся в этой ситуации видению Баязитовым самого себя как представителя исламской общины вообще. Тогда как о прямом влиянии Марджани на Баязитова говорить трудно, эти фигуры предлагают в чем-то сходные способы ответов на вызовы имперской современности, данных, однако, из весьма разных дискурсивных пространств.

Павел Шаблей, анализируя в своей статье биографию и активную деятельность ученика Марджани Абдулхабира ал-Муслими, показывает мобильность мусульман в Российской империи и за ее пределами, а также основные тенденции развития богословских и интеллектуальных традиций, новые подходы к реформированию системы мусульманского образования. Исходя из отдельных работ ал-Муслими, его переписки с Марджани,

Шаблей проблематизирует утверждения о джадидском характере взглядов ал-Муслими, его восприятие некоторыми исследователями в качестве предтечи джадидизма.

В свете непрекращающихся дискуссий о реформировании ислама (Islamology, 2018), исламском модернизме (DeWeese, 2016) важное значение представляют богословские сочинения Марджани, его авторитет как религиозного деятеля и ученого. Этот блок статей открывает статья **Шамиля Шихалиева**, который рассматривает влияние идей Марджани на дагестанских ученых начала XX в. Изучив упоминания Марджани в арабоязычных дагестанских рукописях первой трети XX в., исследователь приходит к выводу, что дагестанские ученые высоко ценили Марджани как крупного правоведа, упоминая его наряду с классическими арабскими авторами. Признавая важность трудов Марджани в интеллектуальной истории ислама, дагестанские богословы не только посещали Марджани в Казани с целью знакомства, но также переписывали его труды, писали отзывы на сочинения, посвящали ему стихи. Более широко имя Марджани вошло в дагестанскую правовую традицию в связи с дискуссиями о *таклиде* и *иджтихаде*.

Продолжая тему религиозного авторитета, **Натан Спаннаус** сосредотачивает свое внимание на проблеме правового и религиозного авторитета в концепции *иджтихада* у Марджани. Автор утверждает, что исследователи часто ошибочно понимают толкование Марджани понятия *иджтихада* как его полное переосмысление. В то время как взгляды Марджани на *иджтихад* незначительно отличаются от концепции, распространенной в XIII–XIX вв. По мнению Спаннауса, Марджани выступает за сохранение правовой методологии ханафитской школы и отстаивает роль ученых как авторитетных толкователей религиозной традиции.

В своей статье на примере богословского спора Марджани с оппонентами в вопросах вероучения я рассматриваю эту полемику как механизм поиска и утверждения истины. Богословская полемика как один из возможных ответов татар-мусульман на имперский вызов анализируется в свете изменившихся политических, экономических и социальных условий Нового времени, когда через теологические дискуссии о проблемах *калама*, в частности о божественных атрибутах, очерчивались новые границы религиозной традиции.

Следующий блок статей, в которых Марджани предстает как историк мусульман России, открывает статья **Альфрида Бустанова**. В ней исследуется исламский концепт наследия, сохранение и структурирование архивного материала российскими мусульманами. По мнению Бустанова, Марджани концептуально подходил к вызову российской имперской науки, и, несмотря на его готовность говорить с аудиторией за пределами мусульманских элит, например на ученых совещаниях в Казанском университете, ученый оставался в рамках исламской традиции с ее специфическими подходами к производству и сохранению знания. Подобно другим мусульманским авторам XIX века, Марджани обращался к рукописным текстам предыдущих поколений мусульманских ученых, к личным письмам и документам, надписям на надгробиях. Для Марджани рукописи были не только лишь источником исторической информации, но и становились объектом эмоционального отношения, в особенности когда речь шла о собственной семейной истории.

На примере истории исламизации Поволжья **Азат Ахунов** рассматривает подход Марджани к историческому исследованию и методологию его работы с источниками. Автор указывает, что Марджани критикует сочинения историков XVIII–XIX веков Хиса-

меддина Муслими и Таджеддина Ялчыгула за ненадежность приведенных ими сведений, относящих исламизацию Поволжья к первому веку истории ислама, то есть ко времени жизни сподвижников пророка Мухаммада. Сам Марджани связывает распространение ислама в Поволжье со временем завоевания арабами Испании, то есть с началом VIII века.

В статье *Айдара Хайрутдинова* обсуждаются сведения по истории татарских мечетей, которые приводит Марджани в своем сочинении *Мустафад ал-Ахбар*, излагается история наиболее значимых татарских мечетей Заказанья. Отличительной особенностью подхода Марджани, по мнению автора статьи, становится то, что наряду с историческим материалом о здании самих мечетей ученый также снабжает текст биографическими сведениями о служивших в мечетях имамах. Данная статья служит примером обращения Марджани к историко-краеведческой тематике.

По традиции материалы номера не исчерпываются его главной темой. Мы продолжаем публиковать интересные исследования наших коллег, в целом отвечающие тому широкому кругу проблем, на которых специализируется наш журнал.

Так, раздел *Varia* представлен статьями *Ксении Трофимовой* и *Саидакбара Мухаммадаминова*. Статья Трофимовой посвящена специфическим нарративам самопрезентации суфийских религиозных лидеров, которые представляют сообщества цыган-мусульман Скопья (Северная Македония). Через обращение к ретроспективным рассказам и их интерпретациям предпринимается реконструкция актуального социального контекста, в котором формируется субъектность религиозного лидера. Анализируются сюжеты о преемственности, образованности, воспитанности — мотивы, вокруг которых строятся повседневные дискуссии о «правильной» вере.

Статья Мухаммадаминова посвящена рукописному наследию татарских ученых в фондах Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан. Автор рассматривает произведения таких татарских богословов, как Абдурахим Утыз-Имяни, Абуннаср Курсави, Шихабатдин Марджани и других. Приводятся краткие описания рукописей, анализируется влияние трудов татарских ученых на мусульман Средней Азии. Автор показывает тематическое разнообразие рассматриваемых рукописей: комментарии к сочинениям по фикху, словари медицинской и суфийской терминологии, поэтические сборники.

Динара Марданова,
выпускающий редактор